

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ УПРАВЛЯЕМОЙ ЭВОЛЮЦИИ (СОЦИОГУМАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОДНОЙ ИЗ ИДЕЙ НИКОЛАЯ ВАВИЛОВА)

Выражение «эволюция, управляемая человеком» введено в научную лексикону Николаем Вавиловым («Селекция представляет собой эволюцию, направляемую волей человека»). Чарльз Дарвин устранил Творца из объяснения эволюции, показал, что естественный процесс может вести к тем же самым результатам, что и творческая, созидательная деятельность. Мысль Н.И. Вавилова идет в обратном направлении — от естественного к искусственному: Человек принимает на себя обязанности Бога-Творца, берет на себя ответственность за судьбу Вселенной. «Человечество — это эволюция, осознавшая самое себя», — сказал когда-то Джулиан Хаксли. Теперь приходится добавить — эволюция, вставшая перед выбором: «Куда идти?»

В ряду авторов идеи управляемой эволюции необходимо упомянуть Джулиана Хаксли, Джона Холдейна и еще целый ряд ученых и философов. Однако именно Н.И. Вавилов наиболее четко сформулировал суть происходящих изменений в мировоззрении и целях практической деятельности человечества.

Российский генетик говорил о селекции — создании новых сортов сельскохозяйственных растений и пород домашних животных. Возникновение новых комбинаций оставалось процессом неуправляемым, случайным с точки зрения преследуемых селекционером целей. В применении к человеку технологическая неэффективность евгенических программ сочеталась с этическими дилеммами и социополитическими конфликтами.

Тем не менее, перспективы технологизации эволюционного процесса были осознаны многими естествоиспытателями и гуманитариями. И даже более, то же самое можно сказать о близящемся наступлении эры телесного самоконструирования человека разумного. Еще в начале XX в. Илья Мечников писал о неизбежности перехода человека к рациональному управлению собственной биологической природой. Биологу вторил представитель гуманитарного знания — психолог Л.С. Выготский (1927). Но тогда еще контуры превращения телесности и сознания человека в объект инженерно-конструкторских разработок и технологических манипуляций воспринимались как философская, метафизическая проблема.

В течение последних десятилетий идея изменения человеческой природы — целенаправленного или спонтанного — превратилась из некоей маргинальной концепции, вызывающей достаточно жесткое неприятие и отторжение со стороны гуманистической философии Запада, в один из доминирующих мотивов развития современной ментальности. Можно упомянуть о жестко негативном восприятии общественным мнением Запада в конце XX столетия книги П.Слотердйика, посвященной именно этой эволюционной перспективе *Homo sapiens*. Но спустя всего несколько лет к этой же теме обращаются вполне уважаемые и либерально и гуманистически ориентированные мыслители, к числу которых относятся Фукуяма и Хабермас. Стиль этих книг далек от эпатажа — это академически беспристрастный философский и социологический

анализ. И реакция на их произведения уже принципиально иная: идея неизбежности коренных преобразований человеческой природы постепенно внедряется в ментальность современного человека.

Даже более того, эта идея постепенно пролиферирует в ткань гуманистического мировоззрения — основную несущую конструкцию, направляющую развитие Западной цивилизации в течение последних двух столетий. Приходится говорить не о модификации, а о качественном преобразовании основных постулатов «Проекта Просвещения», качественном изменении содержания категорий человек, гуманизм, рациональность и проч. Концепты управляемой эволюции Николая Вавилова и трансгуманизма Джулиана Хаксли с возникновением генетических и репродуктивных технологий перестают быть отдаленным, граничащим с утопией предвидением и получают глобально-эволюционное цивилизационное измерение. А, значит, вопрос о будущем биологического вида *Homo sapiens* (человек разумный) переходит из сферы философских рассуждений и научной фантастики в сферу практической этики и политики [13, 14; Чешко, Кулиниченко, 2004].

Отметим что содержание термина не исчерпывается и не сводится к целенаправленному вмешательству в геном человека и геномы других организмов. Во-первых, человек стал технически способен не просто создавать любые живые организмы, но и конструировать искусственные и естественные самовоспроизводящиеся экологические системы — геобиоценозы. Во-вторых, о чем будет сказано ниже и о чем говорил Л.С.Выготский, «переплавка человека» означает не только и не столько изменение его наследственности, сколько реконструкцию его психики. В настоящее время для обозначения подобного рода технологий используются различные термины — управление сознанием, манипулирование сознанием, социальная инженерия (социальный инжиниринг). Но их содержание оказывается весьма близким — «наука или искусство как заставить человека подчиняться вашим желаниям» [7].

Нынешнюю фазу эволюции техногенной (технологической, западной) цивилизации — результат длившейся весь XX в. научно-технической революции — принято называть не только «обществом риска» (У.Бек, М.Дуглас и А.Вилдавски), но и «информационным обществом» (Ю.Хаяши, Д.Белл). В том же контексте принято рассматривать и глобализацию современной экономики. Эти названия фиксируют три основных и взаимосвязанных признака ситуации, которая определяет образ жизни и перспективы будущей истории человечества, по крайней мере, на ближайшие десятилетия:

- информационный характер современных “высоких” технологий;
- образование единого информационного пространства и наднациональной, охватывающей весь мир, рыночной экономической системы, которые приводят к распространению культурных стандартов общества массового потребления на весь мир;
- качественные трансформации природы социального риска, обусловленного практической деятельностью человека и развитием науки и технологии, который теперь способен поставить под вопрос само существование или же сохранение идентичности человеческой цивилизации (экзистенциальный риск).

Очевидно, функция отбора в эволюции заключается в создании адекватных (т.е. взаимно-рефлексивных) отношений между заключенной в эволюционирующей системе самовоспроизводящейся информацией и параметрами внешней среды. С такой точки зрения эволюция (точнее, коэволюция) может рассматриваться как рефлексия эволюционирующей системой условий среды

обитания. В частности, это означает, что в генах любого живого организма закодирована информация, воспроизводящая природные условия, в которых жили его предки. Равным образом особенности духовной и материальной культуры любой социальной общности есть источник информации о ее истории — природной среде, социокультурном и геополитическом окружении, природных и социальных потрясениях и т.д. и т.п. К этой эвристически продуктивной аналогии мы вернемся несколько ниже.

Материальные носители, способы записи (код) воспроизводства и реализации информации могут быть различными. В живых организмах носителем информации выступают молекулы нуклеиновых кислот (генетический код). В процессе эволюции человека жизненно важная информация стала кодироваться с помощью языка и передаваться от поколения к поколению путем воспитания и обучения (социокультурный код). Позднее появляются технологии письменности, книгопечатания, компьютерного программирования и т.п. Таким образом, эволюция живых организмов и эволюция культуры имеют нечто общее. И в том, и в другом случае эволюция есть процесс изменения информации, обеспечивающей собственное воспроизводство и воспроизводство материальных носителей информации.

В результате развития биологической адаптивной стратегии предков *Homo sapiens* произошла смена ведущих форм и механизмов эволюционного процесса. В биологической эволюции, как известно, дискретными единицами, подвергающимися действию естественного отбора, являются¹ гены. В антропогенезе такую же роль стали играть мемы. Этот термин ввел в середине 1970-х гг. английский эволюционист Ричард Докинз для выделения особенностей организации духовной культуры человека, аналогичных организации генома [6, 9]: мем (по другой терминологии — культурген) — аналогичная гену единица культурного наследия, содержащаяся в индивидуальном сознании единица информации, которая (влияя на ход определенных событий) способствует возникновению своих копий в сознании других индивидуумов.

Генезис социокультурного наследования, естественно, не одномоментный процесс. Можно предположить, что первой его стадией были информационные сообщения, передаваемые от индивидуума к индивидууму в результате существования у них врожденного (генетически запрограммированного) модуса имитационного поведения. Эта форма адаптации еще принадлежит целиком биологической форме эволюции. Поэтому некоторые современные биологи — сторонники глобально-эволюционного методологического подхода — предпочитают (на наш взгляд, обоснованно) термин промем [9]. О собственно социокультурной наследственности можно говорить только тогда, когда появляется язык, т.е. особый социокультурный код для передачи и хранения адаптивной информации, а также хранилища этой информации — библиотеки (в качестве таковых, очевидно, до возникновения письменности служили старейшие члены племени). Однако с течением времени в эволюции культуры внутренние, имманентные факторы ее эволюционных преобразований стали иметь все большее значение.

Утрата или изначальное отсутствие адаптивного значения не ведет к необходимости к утрате соответствующего массива информации. Как результат — скорость накопления информации обгоняет темпы эволюционных изменений, т.е. скорость накопления адаптивной информации. Эту закономерность

¹ Несмотря на все последующие концептуальные уточнения и поправки, зачастую *ad hoc*.

можно, по всей видимости, считать общей для всех форм и всех уровней эволюционного процесса — от молекулярно-генетического (структура генома) до социокультурного и технологического.

В биологической эволюции это проявляется и в накоплении в геноме не имеющей кодирующей функции избыточной (молчащей, эгоистической и т.п.) ДНК [3], и в постепенном накоплении нейтральных с точки зрения приспособленности мутаций в популяциях организмов (так называемая недарвиновская эволюция [8]). В психофизиологии давно известно, что сложность нейронных сетей коры головного мозга человека значительно выше необходимого для нормального функционирования сознания. И, наконец, в соответствии с так называемым «законом Мура» период удвоения количества циркулирующей в современном обществе информации составляет 1,5-3 года, причем, как ясно из предыдущего, отнюдь не вся она является адаптивной, или попросту — полезной, для ее носителя.

Отсюда следует важнейший вывод и для теории познания, и для теории культуры. Каждый из нас все в меньшей мере оперирует информацией, получаемой в результате непосредственного взаимодействия с физическим миром, и во все большей степени имеет дело с информацией, получаемой в результате общения с другими людьми.

Для эволюции сознания последствия оказываются еще более значительными. Сознание (индивидуальное и коллективное) интегрируется в своеобразное информационное облако, соединяющее и разъединяющее его с реальностью. Эта вторичная, полученная от других лиц информация в результате становится инструментом формирования и манипулирования сознанием (психосоматического программирования). Нас все меньше убеждают с помощью логических аргументов, нам все в большей степени внушают определенные поведенческие стереотипы. На этом основываются социальные — политические и рекламные — технологии.

На другом полюсе функциональных и причинных связей культурогенеза с иными формами эволюционного процесса возникают генные технологии, назначение которых — преодоление дисгармонии биологической эволюции и социально-экологических условий существования человека.

Расхождение между социокультурным и биологическим векторами антропогенеза в настоящее время не стало меньше по сравнению с началом XX в., когда оно было диагностировано Ильей Мечниковым. Технокультурная коадаптация достигается за счет коадаптации генно-культурной. Результат этого: границы приспособительно-эволюционной пластичности человека все в большей мере органичиваются его генетической программой. Последняя становится одним из основных источников социального риска. Автор научно-художественной книги «Апгрейд обезьяны» А.П.Никонов [11] в присущей ему несколько эпатажной манере заявляет: «Зверь внутри нас еще не приручен окончательно. Однако сегодня техногенной цивилизацией накоплены слишком большие энергоресурсы и инструментальная мощь, которую опасно доверять «недоприрученному». Значит, зверь должен быть либо убит, либо приручен. Возможно, реализуются оба варианта».

Итак, если принципиально возможен выход из ясно обозначившегося цивилизационного кризиса, он будет осуществлен по одному из трех сценариев:

I. Уничтожение биологической составляющей биосоциальной природы человека как носителя Разума.

II. Модификация генетической программы, детерминирующей поведенческие модусы, т.е. ее подчинение требованиям современной социотехнической среды обитания.

III. Коадаптация био-, социо- и техногенеза, составной частью которых является изменение многомерного пространства эволюционных направлений дальнейшего развития ноосферы в целом.

Несмотря на неакадемический стиль приведенного выше высказывания, его автор четко диагностирует одну из необходимых черт последнего варианта — возрастание терпимости не только к социокультурному, но и биологическому многообразию. Более того, толерантность и стабилизация подобного разнообразия становится одним из необходимых условий устойчивого развития человечества (корни такого взгляда восходят, очевидно, еще к идеям Ф.Добжанского).

Однако в любом случае оказывается необходимым наличие многокомпонентной системы саморегуляции и саморазвития цивилизации:

- фундаментальной науки (1) как предпосылки разрабатываемых
- технологических концепций (2), использование которых контролируется посредством
- структур осуществления биовласти (3) и
- устранения социально-экологического риска (4) на основе рациональной
- методологии принятия биополитических решений (5).

Культовый американский публицист и философ Фукуяма в книге с симптоматичным заглавием «Наше постчеловеческое будущее» [13] уверенно заявил, что самая опасная угроза существованию человечества заключается в разработке эффективных технологий биовласти: «Агитпроп, трудовые лагеря, перевоспитание, фрейдизм, выработка рефлексов в раннем детстве, бихевиоризм — ни один из этих методов не опирался на знание нейронной структуры или биохимической основы мозга, ни у кого не было понимания генетических источников поведения, а если и было, то его нельзя было применить для воздействия на них». И еще: «Природа человека формирует и ограничивает возможные виды политических режимов, так что если какая-либо технология окажется достаточно могущественной, чтобы переформировать нас, то это будет, видимо, иметь пагубные последствия и для либеральной демократии, и для природы самой политики» (необходимо добавить — евгеника и расовая гигиена).

В триаде форм глобального эволюционного процесса, носителем которых выступает человек, для каждой из них две оставшиеся выступают в роли внешней адаптогенной (порождающей адаптивные трансформации) «среды обитания». Однако их функциональное значение, так сказать, с точки зрения самого этого носителя, оказывается асимметричным: более «быстрые» формы эволюционного процесса (социокультурная и технологическая), во-первых, замещают адаптации, обязанные своим возникновением более медленным (биологическим) формам собственными. Примерами могут служить практически все технологические инновации, призванные обеспечить базисные биологические потребности человека. Менее очевидным является адаптивное значение человеческих жертвоприношений в первобытных обществах с низким уровнем развития производительных сил. В ряде случаев они могут служить аналогом биологических способов регуляции численности населения в условиях ограниченности жизненных ресурсов. Во-вторых, канализируют их проявления. Прежде всего это касается генетически запрограммированных проявлений так называемого агонального (агрессивного) и сексуального поведения. Социокультурным средством ограничения их экспрессии, как показал Конрад Лоренц [10], служит ритуализация, которая позволяет поставить инстинкты, свойственные человеку, под контроль и не допустить выхода их проявлений на социально деструктивный уровень. В-третьих, индуцирует (спонтанным или рационально

телеологическим путем) появление и/или фиксацию новых биологических адаптаций. Достаточно мощные и длительно действующие социальные факторы вызывают адекватные изменения генофонда. Хрестоматийный пример: создание технологий орошаемого земледелия сначала создало благоприятные условия для размножения малярийного комара, а затем — для распространения серповидноклеточной анемии.

Более медленная (биологическая — относительно социокультурной и технологической, а также социокультурная по отношению к технологической) адаптация ограничена в своем воздействии на социокультурное развитие и технологические инновации индуцирующим и канализирующим модусами. В целом в ходе социальной и технологической эволюции человечество «консервирует» во времени и расширяет в пространстве условия среды обитания, соответствовавшие генетической адаптивной норме наших предков. Если прогрессирующие изменения биосферы и дошли до опасных пределов глобального экологического кризиса, то только вследствие накопления побочных (хотя, возможно, неустраняемых) результатов использования стратегии выживания техногенной цивилизации.

До возникновения генетической инженерии связующим звеном между биологической эволюцией и технологическим прогрессом выступала материальная и духовная культура, технологические новации изменяли образ жизни и, в той или иной форме, влияли на течение биологических процессов.

Д.Белл очень чутко заметил, что «культура является препятствием технологического развития». Добавим, «биология» выполняет ту же функцию по отношению к культуре и технологии. Но с точки зрения развития целостной системы — ноосферы — более медленные механизмы развития оказываются необходимыми для обеспечения устойчивого развития. Они выступают в качестве контроллера, не только тормозящего чреватые деструктивными тенденциями чрезмерные темпы роста социальных или технологических инноваций, но и канализирующего возможные векторы их дальнейшего развития. Как уже говорилось, наша социобиологическая природа «сопротивляется» утверждению излишне радикальных социальных и политических экспериментов. Точно так же культура и созданные в ней системы ценностных приоритетов были потенциально способны ограничивать величину социальных рисков технологических разработок.

С изобретением методов генетической инженерии появляется и чем далее, тем более усиливается тенденция технологизации генетико-биологической эволюции. Технология делает нашу генетическую конституцию и содержание нашего сознания предметом рационалистического контроля и управления. Результат развития обоих видов информационных технологий оказывается единым: технологии манипулирования сознанием (изменения социокультурного кода) и технологии изменения генетического кода являются одновременно технологиями управляемой эволюции. Второе их название — НИ-HUME-технологии (по аналогии с НИ-ТЕСН-технологиями). Объектом НИ-ТЕСН-технологий является внешний мир, макрокосм, предметом НИ-HUME-технологий — в конечном итоге сам субъект, микрокосм. В настоящее время НИ-HUME-технологии уже не отдельные модификации технологических схем, представляющих собой реализацию 2-3 базисных теоретических парадигм. Они носят системный характер и затрагивают все сферы психосоматического бытия человека. Ф.Фукуяма выделил четыре сферы, где уже сейчас возможно широкомасштабное манипулирование человеческой природой [13, с. 3-7]. С определенными уточнениями их можно обозначить следующим образом: нейрофизиология и эволюцион-

ная психология человека; нейрофармакология и техника модификации эмоций и поведения человека; геронтология и разработка технологий продления индивидуальной человеческой жизни; генная инженерия.

С другой стороны, содержание термина «технологии управляемой эволюции» оказывается шире, чем НИ-НУМЕ-технологии, поскольку они включают в себя эволюцию систем, не обязательно подразумевающих наличие человека в качестве носителя адаптивной информации:

— Компьютерная техника и программирование, в частности, самопрограммирующиеся компьютерные системы (искусственный интеллект).

— Робототехника.

— Киборгизация — имплантация технических устройств в живые организмы, расширяющая интеллектуальные и физические возможности последних.

— Нанотехнологии — технологические схемы, предусматривающие возможность создания так называемого ассемблера [15], познающего и позиционирующего в пространстве химически активные структуры вплоть до отдельных атомов и их группировок.

Концептуальные поля генетической инженерии, киборгизации и нанотехнологии перекрываются, по крайней мере, частично. Все они решают сходные технические задачи принципиально сходными методами применительно к объектам различной природы².

Сама потенциальная возможность подобного рода технически многократно увеличивает степень социального риска, порождаемого развитием науки и технологии. Изменение генетической основы носителей разумной жизни означало бы радикальный разрыв существующей культурной традиции, разрушение существующего социокультурного кода человека. «Академичность» приведенной формулировки скрывает ее эмоционально ярко окрашенный этический смысл. По сути, последствия актуализации именно этого сценария будущей эволюции человечества станут равносильны генно-культурной катастрофе. Наследственные детерминанты, которые отвечают за «родовые метки питекантропа» как неотъемлемая часть входят в первоначально созданный биологической эволюцией геном, обеспечивший человеку выживание в определенной экологической среде. Параметры этой среды не зависят от последующих социокультурных и технологических инноваций, но определяют их границы, совпадающие с границами генетически запрограммированной нормы реакции.

Наше мировосприятие и мировоззрение, способы познания мира изначально были канализированы тем, что человек как биологический вид есть совокупность размножающихся половым путем и получающих основную информацию об окружающем мире с помощью зрения и слуха организмов с гетеротрофным типом питания, стадным образом жизни, с развитой системой социальной иерархии, где положение индивидуума не детерминируется исключительно его генотипическими особенностями. Иными словами, эта гипотетическая часть генома, определяющая собственно биологическую адаптивность к той среде обитания, где формировался *Homo sapiens*, составляет основу того, что принято называть природой человека, человечностью. Входящие в состав гены, по крайней мере, совместимы с любыми моральными общечело-

² Любые молекулярно-биологические процессы, связанные с реализацией генетической информации — репликацию, транскрипцию, трансляцию, и репарацию предмутационных изменений в молекуле ДНК можно рассматривать как природные прототипы ассемблера. Типичным примером ассемблера могла бы служить синтезирующая белковую молекулу рибосома, если бы она была создана сознательно и целенаправленно.

веческими нормами и формами познавательной и преобразовательной деятельности, поскольку являются их эволюционной предпосылкой.

Кажется, Фридриху Шиллеру принадлежит афоризм «Любовь и Голод правят миром». Если добавить сюда еще Власть, то мы действительно получим три мотива, комбинации которых исчерпывают все многообразие сюжетов художественной литературы. Изменение генетической информации, заключенной в геноме человека, будет означать необратимый разрыв с предшествующей культурной эволюцией. Духовная культура современного человека (Гомера и Достоевского, Шекспира и Толстого, Бернса и Пушкина) превратится из эмоционально постигаемого и сопереживаемого достояния в рационально расфигурываемый семантический код.

Восходящая к Иммануилу Канту деонтологическая (рационалистическая) аксиология предполагает возможность освободить обоснование этических норм и принципов от ссылок явных или скрытых на «человеческую природу», особенности организации субстрата разумной жизни. Рационалистическая традиция противостоит субстанциональной этике, выводящей этические нормы из принадлежности человека к определенному биологическому виду. Происхождение *Homo sapiens* — эволюционное или креационистское — для субстанциалистской концепции не существенно. Важно, что этические нормы в этом случае являются, если можно так выразиться, «видовыми характеристиками» соответствующего архетипа.

Возрождение этического субстанциализма поэтому сопряжено с пересмотром краеугольного камня в фундаменте современной техногенной цивилизации — принципа, «освободившего» Сознание от материи. Этот пересмотр обусловливается прогрессом молекулярной нейрологии, чьи экспериментальные факты и концепции все более отчетливо демонстрируют зависимость нашего восприятия и мышления от молекулярного субстрата. «Осуществляющие управление нервные системы животных не являются по-настоящему нейтральными в отношении носителей — не потому, что они должны состоять из особых материалов, чтобы порождать нужное свечение, жужжание или что-то в этом роде, но потому, что они развились (как системы управления) у организмов, которые уже были обильно снабжены очень распределенными системами управления. Новые системы должны были создаваться вдобавок к этим более древним системам и для тесного сотрудничества с ними, и, таким образом, возникло астрономически большое количество точек преобразования. Иногда мы можем не принимать во внимание эти повсеместные взаимопроникновения разных сред — например, когда заменяем одиночный нервный канал вроде слухового нерва искусственным протезом, но только в фантастическом мысленном эксперименте мы могли бы вообще не учитывать этих взаимопроникновений», — пишет американский специалист в области когнитивных наук Дениэл Деннет [5]. Вывод отсюда кажется ему однозначным и непреложным: «Эти соображения служат подтверждением интуитивно привлекательному тезису, который часто выдвигают критики функционализма: в действительности, имеет значение, из чего создается психика. Нельзя создать способную ощущать (добавим, человеческую. — *Авт.*) психику из кремниевых кристаллов, проводников и стекла или из пивных банок, связанных веревкой».

Еще более красноречиво название книги другого американского нейролога А. Демазие, посвященной физиологическим основам высшей нервной деятельности: «Ошибка Декарта: эмоции, разум и головной мозг». Суть перелома в массовом сознании, как пишет Э.Голдберг, заключается в том, что «сегодня образованное общество более не верит в картезианский дуализм тела и души,

но мы только постепенно расстаемся с остатками старой ошибочной концепции. Сегодня мало кто из образованных людей, независимо от того, насколько они незнакомы с нейробиологией, сомневается в том, что язык, движение, восприятие, память, — все они как-то локализованы в мозге. Однако амбиции, влечения, предвидения, озарения — свойства, которые определяют личность и сущность человека, — до сегодняшнего дня рассматриваются многими как, скажем, «внечерепные», как если бы они были атрибутами нашей одежды, а не нашей биологии» [4]. Последствия этого для мировоззренческих основ техногенной цивилизации оказываются самыми радикальными.

Постепенно идеи субстанциалистской методологии интегрируются в современную аксиологию, и этот процесс можно считать вполне закономерным и оправданным. Кантианская этика, в соответствии с которой единственной основой этических норм является Разум, восходит к декартовской дихотомии Материя — Сознание и имеет достаточное основание только при соблюдении определенного необходимого условия. А именно: до тех пор, пока второй член антиномии Разум — Субстанция (т.е. характеристики генетической программы), так сказать, «выведен за скобки», разум является константой. Создание технологий управляемой эволюции, как мы видим, взрывают ситуацию доминирования чисто деонтологических этических систем.

Систему универсальных этических принципов взаимоотношений разумных индивидов, относящихся к одной и той же генеральной совокупности — человечеству, Юрген Хабермас обозначает категорией «этика вида». Именно она позволяет любой личности идентифицировать себя как члена общества, индивида, входящего в ту совокупность существ, которая именуется собой человечеством. Этика вида основывается на том, что все индивидуумы имеют некую общую, спонтанно возникшую основу, независимую от постороннего вмешательства. Именно благодаря этому субъекты социальной коммуникации способны смотреть на своих партнеров как на свободных автономных личностей. В рамках этики вида решение рассматриваемой здесь дилеммы по Хабермасу заключается в одобрении любой генно-инженерной манипуляции, способной уменьшить страдания эмбриона — носителя наследственной патологии. На тех же основаниях любые попытки изменить нормальный человеческий геном в целях усовершенствования его обладателя расцениваются как несовместимые с этикой вида, поскольку разрушают генетическое единство человечества.

Более осторожно, но, тем не менее, столь же однозначно о необходимости пересмотра деонтологической (рационалистической) методологии этики пишет Френсис Фукуяма: «Самая, быть может, явная слабость деонтологических теорий добра состоит в том, что почти все философы, которые пытались построить такую схему, кончали тем, что встраивали в свои теории различные предположения о природе человека. Единственное различие — они это делали скрыто и бесчестно, а не явно, как было в прежней традиции от Платона до Юма» [14, с.151]. Резюмируя анализ содержания современных интерпретаций рационалистических доктрин прав человека, прежде всего в связи с этическими проблемами, порождаемыми биотехнологией, он утверждает: «Хотя нельзя просто взять и перенести природу человека в права человека, переход от первой ко вторым совершается посредством рационального обсуждения целей человека, то есть посредством философии. Это обсуждение не ведет к априорным или математически доказуемым истинам; оно даже может не привести участников к согласию по существу. Но оно позволяет нам начать устанавливать иерархию прав и, что важно, дает нам возможность исключить некоторые решения проблемы прав, имевшие политическую силу в процессе истории человечества».

Первоначальный фундаментальный принцип «Проекта Просвещения» — тезис Спинозы, известный у нас в виде вторичного заимствования из произведений классиков марксизма «Свобода есть объясненная необходимость», к началу XXI в. уже не воспринимается как очевидная аксиома. По мере развития науки и технологии умножается не только число эволюционных достижений конкретных целей, растет и число самих целей. Этот переворот в мировосприятии стал отличительной чертой информационного общества. Именно информационные технологии, как полагает один из наиболее известных исследователей феномена информационного общества Энтони Гидденс [цит. по 12], обусловили ускоряющееся сужение сферы подчинения необходимости («встроенным элементам» биосоциальной жизни) и пропорциональное расширение сферы свободы выбора, включающей в себя теперь собственно соматические основы человеческой личности и содержание ее сознания.

В 1998 г. была основана Всемирная Трансгуманистическая Ассоциация. По утверждению одного из ее основателей Ника Бострома, суть новой концепции сводится к следующему: «Трансгуманизмом в широком смысле слова называют движение, развивающееся в течение последних двух десятилетий, которое можно определить как междисциплинарный подход к объяснению и оценке возможностей для усиления человеческих способностей и самого человеческого организма, открывающихся в результате технологического прогресса. Сюда включаются радикальное улучшение состояния здоровья, искоренение болезней, устранение неоправданных страданий и увеличение интеллектуальных, физических и эмоциональных возможностей человека. Другие темы, разрабатываемые трансгуманизмом, включают в себя колонизацию космического пространства, создание машин, обладающих искусственным интеллектом, и иные потенциальные усовершенствования, которые способствовали бы прогрессирующему улучшению человеческих способностей». Трансгуманизм видится ему как дальнейшее развитие и усовершенствование гуманистической концепции в новой исторической ситуации: «Трансгуманизм можно описать как продолжение гуманизма, от которого он частично и происходит. Гуманисты верят, суть людей в том, что лишь отдельные личности имеют значение. Мы можем не быть идеальными, но мы можем улучшить положение вещей и действовать рациональному мышлению, свободе, терпимости и демократии. Трансгуманисты согласны с этим, но они также придают особую важность тому, кем мы потенциально можем стать. Мы не только можем использовать разумные способы улучшения положения человека и окружающего мира; мы также можем использовать их, чтобы улучшить себя, человеческий организм. И доступные нам методы не ограничены теми, которые обычно предлагает гуманизм, такими как образование. Мы можем использовать технологические способы, которые в итоге позволят нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим» [1]. Фукуяма в своем интервью редакции журнала «Foreign Policy», на наш взгляд, дал значительно более конкретное, критическое и ясное определение понятию трансгуманизм и целям нового движения: «Не более и не менее, как освобождение человеческой расы от биологических оков»³.

Таким образом, формирующаяся в ментальности установка и соответствующая ей философско-мировоззренческая доктрина трансгуманизма явно имеет отличительные признаки утопической мифологемы, связанной генетической связью с особенностями катастрофического сознания и идеологической

³ Цит. по: www.nickbostrom.com

установкой технологического детерминизма. (Вообще говоря, это отнюдь не исключает наличия в ней эвристически продуктивных рационалистических теоретико-логических конструкторов.)

С нашей точки зрения, рационализация течения глобального эволюционного процесса (включая сюда самоконструирование психосоматического бытия самого субъекта такого вмешательства) является неизбежной. Однако спонтанное развитие НИ-НУМЕ-технологий, не сопровождаемое рациональным социальным и политическим контролем, выглядит столь же нежелательным, как и социально обусловленный отказ от их разработки. Обе альтернативы достаточно быстро привели к углублению кризиса, неконтролируемому производству социальных рисков и полному коллапсу техногенной цивилизации. Действительной биополитической проблемой эры технологии управляемой эволюции является разработка идеологии сохранения и баланса в новых эволюционных реалиях человеческой идентичности и адаптивной пластичности. Решение этой задачи подразумевает развитие достаточно мощной системы коадаптаций между биологической, социокультурной и технологической составляющими эволюции человечества.

Красивая метафора Николая Вавилова — одного из прозвестников новой эпохи — на наших глазах превращается из научного прогноза в реалии глобализирующегося мира. Этот переход коренным образом изменяет не только идеологические, философские и мифологические стереотипы и догмы, радикальным трансформациям подлежит сам способ бытия человечества, его стратегия выживания. От принимаемых отдельными странами и международными организациями биополитических решений в ближайшее время станет зависимым эволюционное будущее человека и биосферы. Именно поэтому современные технологии реализации биовласти названы технологиями управляемой эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Востром Н.* Что такое трансгуманизм // Экогеософский альманах, СПб.: 2000. №3, с.59-67 Цит. по: www.really.ru/review/faq.html. — 2. *Глазко В.И., Четков В.Ф.* «Опасное знание» в «обществе риска» (Век генетики и биотехнологии). Харьков, ИД«Инжэк», 2007. — 3. *Глазко В.Н., Глазко Г.В.* Введение в генетику. Киев. КВІЦ, 2003, с. 224-226. — 4. *Голдберг Э.* Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация / Пер. с англ. Д. Бугакова. — М.: Смысл, 2003. — 5. *Деннет Д.* Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. — 6. *Докинз Р.* Эгоистичный ген.-М.: Мир, 1993. — 7. *Долинина О.Н.* Социальный инжиниринг и формирование политики управления предприятием // Социально-гуманитарное знание. 2005. № 6, с. 209-219. — 8. *Кимура М.* Молекулярная эволюция: теория нейтральности / Пер. с англ. М.: Мир. 1985, с. 3. — 9. *Левченко В.Ф.* Эволюция биосферы до и после появления человека / Институт эволюционной физиологии и биохимии РАН СПб., 2003. — 10. *Лоренц К.* Агрессия / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1994. — 11. *Никонов А.П.* Апгрейд обезьяны: Большая история маленькой сингулярности М. ИЦ ЭНАС, 2004. — 12. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. — 13. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее / Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. — 14. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2003. — 15. *Drexler E.* Nanosystems. New York: John • Wiley & Sons, Inc., 1992.

*В.Ф.Чешко, доктор философ, наук, кандидат биологич. наук,
Харьковский национальный экономический университет*